

Ирина ФОМЕНКОВА

ПЕРЕПРАВЫ, ПЕРЕПРАВЫ

Из цикла «Память и беспамятство»

Прасковья Черняк пошла работать в 1937 году на Мозырскую теплоэлектростанцию в пятнадцать лет. В их семье пятеро детей. Она – старшая, мамина надежда. На работе очень уставала. Но приезжала в родную деревню Барисковичи, радовалась, что и коровку купили, и у сестрёнок щёчки порозовели. Всё думала: «Ещё немного девчонки подрастут, и я учиться пойду». А по ночам, глядя на звёзды, приветливо собравшиеся в окне их хатки, мечтала о любви.

Когда в 41-ом началась война, Паша вернулась домой, в Барисковичи, там они семьей пережили все ужасы фашистской оккупации. Мозырь наши войска освободили в начале 44-го. В феврале того же года начался фронтовой путь Прасковьи Трофимовны в 139-м инженерно-сапёрном батальоне от Днепра через Западный Буг, через Вислу...

Почему в её воспоминаниях, прежде всего, реки, большие и малые? Потому что задачей их батальона было обеспечить переправу для прохождения техники и живой силы. Помните, как у Твардовского? «Переправа! Переправа! Берег левый, берег правый...»

Между этими берегами на открытой водной глади инженерный батальон цеплял друг к другу понтоны. А ведь именно переправы были под особым прицелом врага. Сколько раз приходилось замирать от гула приближающихся самолётов, леденеть от свиста падающих бомб, грохота артиллерийского обстрела... Там, на берегу, хоть какое-то укрытие можно найти, а здесь всё, как на ладони. Порой даже лица фашистских лётчиков рассмотришь. Страшные лица, искажённые зверской маской торжествующего зла. Враги расстреливали в упор бегущих к берегу, развлекались, соревнуясь в меткости попаданий.

Прасковья Трофимовна вспоминает, что до войны жутко боялась покойников. А тогда, когда смерть смотрела в глаза, все кидались к берегу, чтобы любую канаву найти, спрятаться, а то и под мёртвое тело бойца забиться – от осколков спастись. И только шептала слова молитвы: «Отче наш, да святится имя Твоё, и воля Твоя святая...».

Кроме наведения мостов, их батальон выполнял задачи сапёров.

Или минировали – выкопают ямку, заложат сначала противопехотную мину, а сверху противотанковую. Они её называли «большая сковородка». Расчет понятен: начнёт немец снимать верхнюю мину, а нижняя сработает. Немцы использовали свои смертельные уловки. И потому каждый день – если не пуля шальной, то осколки от мины, то холод и грязь...

Прасковья Трофимовна Черняк говорит с трудом, горечь воспоминаний перехватывает её горло. Чтобы помочь ей, я читаю тихонько стихи моей любимой белорусской поэтессы Евдокии Лось:

С винтовками и лопатами
(Дела военной поры)
Они были просто девчатами,
Что там ни говори.

Пугались посвиста мины,
Нескромных взглядов чужих.
И гинули, как мужчины,
На горьких полях своих.

– Это точно, – говорит задумчиво Прасковья Трофимовна. – На войне всё делали: и стирали, и поваров заменяли, когда надо было... Помню, – неожиданно улыбнулась она, – в мае 45-го мы должны были на Эльбе на встречу с американскими солдатами идти. Я сижу, свежий воротничок к гимнастёрке призываю. А подружки прибежали, схватили меня, закружили, кричат: «Победа!». Так война для меня, слава Богу, закончилась.

Вернулась Прасковья Трофимовна в Мозырь, на родную ТЭЦ – давать людям свет и тепло. Пришла к молодому начальнику цеха Черняку Аркадию, бывшему партизану. Он как раз инструктаж с рабочими проводил. Все, конечно, внимательно посмотрели на новеньющую. А он (это она потом узнала) внушительно сказал им: «Вот что, хлопцы, запишите себе на лбу: эта девушка моей женой будет». Так оно и вышло. Прожили вместе долгую жизнь. Четверых детей вырастили.

Фото иллюстративное

Бережно хранит Прасковья Трофимовна Черняк награды за освобождение Варшавы, взятие Берлина, орден Отечественной войны и пожелавшие листки сталинских Благодарностей «За достойно выполненный долг перед Родиной».

НАСЛЕДНИКИ ОТЦОВСКОЙ СЛАВЫ

Из цикла «Память и беспамятство»

Мой внук закончил Минскую Военную академию. Во время редких приездов домой он по-мужски сдержанно рассказывал о своих трудностях. Но каждый раз особенно тёплая уважительная интонация звучала в его голосе, когда он вспоминал о старшем преподавателе кафедры разведки, сил специальных операций и иностранных армий факультета военной разведки полковнике Ерещенко.

Однажды мне представилась возможность встретиться с Андреем Вениаминовичем. Он потомственный военный. Отец – танкист, ветеран Великой Отечественной. Полковник Андрей Ерещенко сдержан в движениях, в каждом жесте чувствуется военная выправка. В больших карих глазах, волевом подбородке – твёрдость и решительность характера. И только в уголках губ застыло что-то близкое к скорби – память о пережитом.

Мы разговорились, и я узнала о боевой судьбе воина-интернационалиста, среди наград которого орден Красного Знамени и три ордена Красной Звезды.

Лейтенант Ерещенко прибыл в Афганистан, точнее, в Тузель, в ноябре 1982 года из Московского округа – на замену. Служить довелось в мотострелковых и разведывательных войсках. Приходилось участвовать в боях под Кабулом, в районе Саланга, Суруби... В общей сложности таких рейдов было около тридцати.

С первых дней столкнулся с массой трудностей: языковой барьер, жаркий климат... Но самое трудное – видеть глаза местного населения. В этих глазах было разное. Навсегда запомнился старик, который бежал за БМП, бил по металлу палкой. Почему?! «Война, – говорил Ерещенко солдатам, – это всегда продолжение внешней политики. Придёт время, всё расставит на свои места и строго ответит на вопрос: «Нужна была эта война Советскому Союзу или нет?»

– Что скрывать? Чувство страха на любой войне живёт в каждом, – признаётся Андрей Вениаминович. – Особенно перед началом обстрела. Ощущать себя на мушке – состояние малоприятное. С началом боя это чувство притуплялось: нужно было управлять людьми. А через некоторое время после боя все события начинали прокручиваться в голове. Вот тогда становилось по-настоящему страшно, до тошноты. В сознании всплывала картина смерти человека, с которым ты только вчера говорил. Только вчера боец радостно читал письмо из дома и кричал: «Ребята! У меня сын родился!», а сегодня утром ему в сердце попала пуля.

Можно сказать, что в командире Ерещенко умение принимать тактические решения в критические минуты – на генетическом уровне. В памяти его часто всплывает один из многочисленных рассказов отца о войне с фашистской Германией.

В их танковой бригаде половина машин были американские «Шерманы» на бензине. Как-то перед боем экипажи залили под завязку топливные баки, даже внутри оставили дополнительные. А отец почти всё топливо слил. Оставил только на необходимые 30-40 километров. Послушал старого механика, прошедшего финскую войну. Тот сразу предупредил, что больше они не проедут. Так и случилось. Даже касательные попадания в корпуса и башни танков вызы-

вали пожар. Из пяти выпускников остался в живых только один – его отец, тогда семнадцатилетний младший лейтенант.

Вспоминая этот военный эпизод из фронтовой судьбы его отца, Андрей закладывал в сознание главную тактику войны: победить и максимально сохранить жизнь бойцов.

– Война в Афганистане, – продолжает полковник Ерещенко, – это цепь уроков ведения современной войны, в которой были как стратегические, так и идеологические ошибки. С точки зрения идеологии моему отцу было легче: он знал, что они, советские люди, освобождают родную землю от фашизма, что потомки будут помнить их подвиг. – Андрей Вениаминович судорожно передохнул, глаза потемнели до черноты. – Наши солдаты, которые уезжали в Союз, присыпали в Афганистан письма: в них всегда чувствовалась тоска по подразделению, по боевому братству. Но включали по вечерам там, дома, программу «Время», смотрели новости из Афганистана. А в них бодрые марши, посадка деревьев, строительство школ. Словно и нет никаких боёв, сгоревших танковых колонн, сбитых самолётов и вертолётов, госпиталей, раненых... А следовало говорить всю правду. Всю! Эту правду, кстати, я и о сегодняшнем Афганистане не слышу. Ведь ясно, что фактически там идёт искусственный подогрев внутриусобной войны, выгодный определённым силам за океаном, выгодный наркобизнесу.

За два с половиной года в Афганистане Ерещенко прошёл путь от лейтенанта, командира роты, до капитана, начальника штаба разведки. Не скрывает, что вовремя находили его награды. Но было и другое. В марте 1983 в одной из операций под Кабулом из-за ошибок комбата рота старшего лейтенанта Ерещенко оказалась отрезанной от основных сил, но сумела пробиться сквозь кольцо противника с минимальными потерями, отвлекая на себя не менее семидесяти душманов. Комбат обвинил ротного в уклонении от боя, пригрозил арестом. Спас приезд начальника штаба, который знал истинное положение дел.

Как-то один из чиновников в форме советника во время проверки потребовал у Ерещенко штатную книгу роты, журнал боевой и политической подготовки, расписание занятий. Но и тут нашёлся старший по званию, быстро осадивший проверяющего: «Марш отсюда! Здесь война! И ведутся только журналы боевых действий и потеря живой силы».

– Война – это очень много боли, – вспоминает Андрей Вениаминович. – Под Чарикаром надо было выбить из крепости душманов, вернувшихся за какими-то важными документами. Наша задача – опередить их и захватить документы. В крепость нам удалось прорваться и закрепиться в ней, но душманы не отступали. Завязался рукопашный бой. Я почувствовал удар в бедро. Разрыв гранаты... Опять удар. По ногам. Рухнул на землю. «Духов» удалось отбросить. Но связь прервалась. Надо было продержаться до утра. От потери крови я потерял сознание. Принёс в себя от страшной боли. В бедре – сквозная дырка величиной с кулак. Внизу, около стопы, тоже дырка, из которой в разные стороны торчат осколки костей. Ночью нога стала покрываться тёмными пятнами. Гангрена. Ногу мне спасли товарищи: по живому бритвой вырезали начавшее гнить мясо... Утром подоспели наши, сестрички оказали первую медицинскую помощь, погрузили в вертолёты и отправили в госпиталь. – Полковник Терещенко замолчал, потом усмехнулся и сказал. – Наши приключения на этом не закончились. До границы оставалось совсем немного. Монотонный шум двигателя убаюкивал. Сквозь дрёму и боль мыслями возвращался к жене и недавно родившемуся сынишке. И тут звук дроби по борту мгновенно вернул в реальность войны. Сидящий напротив солдат медленно сполз на пол. Вместо лица – кровавая маска. Машина резко «клюёт» вниз. В любую минуту она может превратиться в факел. Наш пилот, судя по манёврам, выбирает площадку для приземления. Бортовой стрелок поливает «духов» огнём из пулемёта. Удар со скрежетом. Ещё удар! Визг работающих на износ движков, треск ломающихся лопастей. Всё, приземлились. Как только определили, где противник, я наметил место атаки, быстро переместили туда спасённое оружие. Меня оттащили от вертолёта

та за камни. Не высовываясь, открываем огонь из пистолетов. Это «развеселило» «духов». Слышим, как они переговариваются. А для нас важно, чтобы они поверили, что серьёзного оружия у нас для сопротивления нет. Чтобы поверили и полезли напролом. Мы приготовили гранаты. Ждём. Взрывы гранат нашего противника отрезвляют. И теперь инициатива в наших руках. Роли поменялись: дичь превратилась в охотников. «Духи» отползают. Наши бойцы быстро собирают оружие убитых. Теперь есть чем отбиваться.

«Вертушки» прилетели на помощь через сорок минут... Вскоре в госпитале нас осматривал врач. Диагноз меня не интересовал. Хотелось одного – спать. – Андрей Вениаминович снова замолчал. Потом с лица его сошла тень воспоминаний. – И живу! Живу счастливо. В принципе, всё, о чём мечтал, исполнилось. Вырастил сына. Дерево посадил. Верю только в хорошее, а оно у каждого своё. У меня это семья: жена, сын. По мере сил передаю опыт молодёжи. А всё же хорошо, что сегодня белорусы служат на территории своего государства. Солдат должен прежде всего защищать ту землю, на которой родился.

Ирина ФОМЕНКОВА. [Об авторе.](#)